

ГЛАВА 1

ЗМЕИ И ВОРОНЫ

Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.
Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг голодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ль вам этого?

*Völuspá –
Прорицание вёльвы*

В пещере воцарился оглушительный хаос. Каждый хотел знать, что теперь делать, знать немедленно, и каждый сию же секунду хотел услышать это от Драккайнена. Как раз в таких случаях он отчетливо вспоминал, отчего ненавидит командовать.

— Тихо! Все к стене! — рявкнул, заглушив их на миг.— К выходу не приближаться!

Вероятно, этот приказ не был превосходным, но, по крайней мере, он был хоть каким-то. В полуумраке

пещеры Вуко видел, как его спутники вжимаются в по-крытые бесформенными, лоснящимися натеками стены. Удачно пущенная снаружи стрела ударила в потолок, высекая искры, и полетела вглубь пещеры, стучая о ста-лактины.

Он пытался как-то оценить ситуацию, прекрасно по-нимая, что на всё про всё у него лишь несколько секунд. Попытался взглянуть на происходящее сверху, как на про-клятую настольную игру. Как на шахматную партию.

Впереди была группа всадников и крабы. В первый миг Драккайнену показалось, что их много, минимум пять десятков, но теперь, не пойми откуда, появилась убежденность, что их двадцать пять, и лишь восемь тяже-ловооруженных, как по местным меркам, а остальные – быстрая, универсальная легкая кавалерия, луки и копья, и что рядом стоит с десяток крабов. Знал это, словно рас-сматривал фотографию. Как во время обучения методам разведки, когда его посыпали с каким-то абстрактным заданием в город – требовали, скажем, украдь шапоч-ку шеф-повара трехзвездочного ресторана, обчистить конкретную кассу в супермаркете или сделать так, чтобы некая персона остановила охрану, – а потом вдруг при-ходилось вспоминать, сколько в зале сидело блондинок, назвать регистрационные номера машин, стоящих перед входом, и всякое такое.

Итого – перед входом в пещеру стоял эскадрон Зме-ев; позади его людей, сгрудившихся в пещере, регенери-ровал двенадцатиметровый кошмар Пассионарии, хотя в долине уже почти не было магии, а сама чародейка на-чинала приоткрывать в своем саркофаге налитые кровью жуткие глаза, хотя получила порцию воды онемения, мо-гущую усыпить и атакующего носорога. Филар, парень,

который казался ему не менее важным, чем сама Калло. — тем, кто каким-то образом держит в руках спутанные нити судеб всего мира. — как раз попал в руки врага, уволовленный на аркане, истекая кровью, словно свинья. Был мертв или умирал, но, что ни думай себе, находился в руках крейзанутых на всю голову психопатов с зигзагообразными татуировками. У них в тылу снова начинали роптать и бормотать полуопрозрачные, туманные призраки, похожие на эмбрионов. Братья Древа, оставленные им прикрывать отступление, погибли либо — в лучшем случае — оказались изрядно прорежены.

Бывали у него дни и получше, видывал он и лучше разыгранные шахматные партии.

Прошла первая секунда.

Змей перестал шипеть и бормотать в своей вонючей пещере, воцарилась тишина, а потом раздался мощный удар, будто во вход стукнулся большой резиновый грузовик. Земля ощутимо вздрогнула, с потолка лениво посыпалась пыль, потом камешки. Позади, в темном отверстии, с громыханием перекатились каменные обломки.

— Слышите меня?! — орал кто-то снаружи. С явным горланным акцентом горца. — Вы, в дыре! У нас ваш пачан! Отдайте нам Деющую, или я выпущу ему кишки!

Драккайнен взглянул прямо в темные глаза побледневшей Сильфанды, вжавшейся в известковые натеки на против него. В полуумраке пещеры глаза ее напоминали капельки сургуча — две темные щели, ведущие во мрак и ужас. Грюнальди, скривившийся рядом, что-то бормотал, теребя потными пальцами рукоять меча.

Вторая секунда.

Безглазый змей опять ударил головой в проем коридора, встряхивая гору и грохоча камнями.

Драккайнен подполз боком к выходу и прижался к краю отверстия.

— Я хочу быть уверен, что он жив! — крикнул, сколько было сил в легких, аж эхо пошло по пещере, а Грюнальди раздраженно скривился.

— Так ступай сюда и проверь! — ответили ему. — Или смотри, как его кишки будут виться в снегу! Давай Деющую, или я его прикончу.

— Пассионария... Ты принадлежишь мне, Пассионария... — зашипел змей.

Третья секунда.

Вуко стер пыль с поверхности саркофага над лицом Калло, там, где емкость из магического льда была прозрачной, словно сервисное окошко. Пассионария вертелась среди мясистых отростков внутри капсулы, дергала головой, будто хотела выплюнуть пульсирующее щупальце, похожее на слизня, что лезло ей в рот. Веки ее дрожали, глаза ритмично дергались из стороны в сторону, то и дело таращились прямо перед собой, с жутковато суженными зеницами, а через секунду закатывались, пряча радужку. Наша Скорбная Госпожа отъезжала во тьму нарколепсии, но изо всех сил пытаясь проснуться. Или, по крайней мере, удержаться в полулетаргии, в которой провела столько времени. Быть может, вода онемения только начинала действовать.

Быть может.

Он сжал ладони на ручках по сторонам овального саркофага и толкнул его, словно сани в бобслее.

— Толкайте сзади, *perkele saatani vittu!* — прохрипел с усилием, сам удивляясь, что он все еще настолько остроумен.

— Что ты хочешь сделать? Отдать ее Змеям? — он даже не понял, кто это спросил.

— Выполнять, *haaista paska!* Без разговоров! Вот это — наружу!

— Пассионария... — Змей ударил в проем коридора, тот обрушился, открывая большую дыру внутрь пещеры. Сразу же потянуло густым, мускусным запахом и нездоровым теплом. Безглазая, бледно-синяя морда отдернулась в темноту на изогнутой, словно молния, шее, готовясь к броску, точно разъяренная кобра.

Емкость с Пассионарией сдвинулась к выходу из пещеры и высунулась наружу, словно гора готовилась снести ледяное яйцо. Будь это шахматы, Драккайнену пришлось бы признать, что ему поставили мат. Но он вовсе не должен был двигаться вперед или в стороны по заранее заданным полям. Мог сам решить, будут это шахматы или покер. Потому что это была война, а не дружеский матч.

— А теперь всем — под стены! — приказал резко. — Как можно дальше от середины коридора! Пропустите его!

— Кого?

— Деющая заперта в сундуке! — заорал, чувствуя, что оглох на одно ухо от собственных воплей. — Мы ее отдаем!

— Ульф, что ты делаешь?!

Змей издал оглушительное шипение, будто паровая турбина, стравливающая избыток давления, и метнулся в коридор. Драккайнену показалось, словно он спрятался в боковой нише метро. Размытая овальная туша, покрытая чешуйками, пронеслась мимо него сквозь пещеру, гоня волну воздуха, смешанного с раздавленными

в мелкий щебень камнями, остатками известковых натеков, сталактитами и пылью.

Длилось это невыносимо долгую, наполненную отвратительным грохотом и воплями секунду. Вуко лежал, вжавшись в пол, и в этом жутком шуме не слышал, как орет сам.

Тварь, мчащаяся по коридору, начала уменьшаться, и вот рядом промелькнул хвост не толще мужской руки.

Разведчик, кашляя и сплевывая пещерную пыль, перекатился на середину коридора, теперь гладкую, вымеченную до голой скалы, покрытую скользкой, кровавой слизью, при виде которой на ум приходил свежеразделенный угорь. Поскользнулся, пытаясь встать, потом нырнул щучкой к выходу, что сделался теперь широким и почти идеально круглым. Можно было бы проложить рельсы и открыть железную дорогу от Долины Скорбной Госпожи на Побережье Парусов.

Он выглянул наружу — как раз вовремя, чтобы заметить, как гладкий ледяной саркофаг несется торпедой по искрящемуся снегу прямо на отряд всадников, оставляя за собой неглубокую колею.

Змеи, словно зачарованные, глядели на приближающийся снаряд и на гигантскую тварь, бледную, будто солитер, что двигалась к ним змееобразными движениями, порой совершенно исчезая в снежном облаке. Собственно, поначалу они и смотрели-то исключительно на саркофаг, поскольку тот съезжал ровнехонько им под ноги. Мужчина в неравномерно черненом доспехе, что выглядел, будто его собирали из найденных на свалке пластин, стоял рядом с конем, держа за капюшон анорака неподвижного Филара и сжимая во второй руке довольно мерзкий с виду кинжал. Он отпустил куртку,

позволив парню мешком свалиться на снег, а потом поднял ногу и остановил тормозящий на пологом склоне саркофаг.

Протер крышку и заглянул внутрь, а потом выпрямился, поднимая руку с кинжалом ко лбу, чтобы прикрыть глаза от солнца, — и только тогда заметил безглазого змея.

— Из пещеры и врассыпную, — рявкнул Драккайнен. — Проверить, нет ли живых. Если нет, то забрать оружие, особенно арбалеты. Бегом! Раненых в лес, туда, где остались кони. Отходим! Исполнять!

Сам же присел за одинокую скалу и завозился с колчаном.

Змей едва справлялся со склоном — и не удивительно. Собственно, он не был животным или настоящим чудовищем, а просто безумной фрейдистской проекцией, опирающейся на фантазии на тему змеи. Однако он имел массу, скорость и проблемы с координацией. Несколько раз кувыркнулся, сплетая тушу клубком, словно небрежно брошенный пожарный рукав. У подножия склона ему удалось замедлиться, взбивая фонтаны снега, из которых после поднялась его голова, будто у разъяренной кобры.

Снизу это должно было выглядеть жутковато, однако Змеи не впали в панику. Конечно, лошади их завизжали и встали на дыбы, но сами всадники лишь таращились в остоубенелом молчании. Змей не атаковал, только двигал головой, будто оценивая ситуацию, вел мордой за саркофагом с Пассионарией, который, позабытый, съехал чуть дальше по склону между всадниками. Один из тяжеловооруженных, что стояли рядом с командиром, слез с коня, благоговейно отдал кому-то большой

лабрис, снял шлем, похожий на башку тиранозавра, а потом сбросил в снег косматую шубу, поднял ладони и принялся петь.

— Понимаю, — сказал Драккайнен, поводя озябшей на морозе рукой, чтобы сдернуть крышку колчана. — Увы, ошибка. Вы перепутали змеев, парни.

Оглянулся через плечо, удостоверяясь, что его люди бредут, пригнувшись, в снегу, волоча за воротники и пояса трех неподвижных Братьев Древа, емкости с магией и куль с завернутым в плащ бывшим фавном, что у Хвоща и Кокорыша стрелы уже на взвешенных арбалетах, и что эти двое прикрывают отход. До леса, где команда оставила сани и упряжки, оставалось десятка полтора метров. Он взглянул на центральную часть представления как раз вовремя, чтобы увидеть, как Змей снимают шлемы и опускаются на колени в снег, а чудовище Пассионарии раскачивает головой в ритме движения их рук. Драккайнен глянул вверх, тщетно пытаясь запустить утраченные умения и выбрать угол выстрела, потом провел оперением стрелы по губам, распрямляя загнувшиеся перья.

А потом много всего случилось одновременно. Змей начал мерцать и растворяться, будто был голограммой, запущенной из поврежденного файла.

Чудище, выныривая из сплетений своей туши, распрямилось, насколько было возможно, и голова его теперь высилась над остолбеневшими Змеями на высоте третьего этажа. Вдруг он преломился, жуткий вопль: «Пассионария!», подобный грохоту лавины, заглушил скандирования Людей-Змеев; змей же рухнул в толпу, поднимая тучу снега, — в том месте словно заплясала метель.

Драккайнен вскочил на ноги, не обращая внимания, что выдает свою позицию.

Внизу царил ад в чистейшем своем воплощении. Хаос снежной пляски, люди, кони, броня и кольца жуткой туши. Какофония воплей, шипения, лязга доспехов, визга лошадей и жуткого завывания крабов.

Вуко натянул тетиву, но не мог понять, куда стрелять. Змеи кинулись наутек, из сутолоки в разные стороны ринулись несколько запаниковавших лошадей с пустыми седлами, в воздух взлетели, кувыркаясь, несколько человек; он увидел катящийся саркофаг и змея, что полз следом зигзагами. На снегу осталось много крови и тел, брошенные шлемы и раскуроченная броня крабов. Он осторожно двинулся вниз по склону со стрелой на тетиве, пытаясь высмотреть лежащего где-то там Филара.

Змей продолжал мерцать, то появляясь, то исчезая; иной раз он казался клубом снежной пыли, а иной – распадался пучком молний, но оставался опасен. Поже, Змеи оставили набожное восхищение и решили нападать. Тварь вдруг перекатилась, давя людей, и мотнула башкой, отбросив еще двух орущих воинов и свалив тяжеловооруженного на лошади. Последний бросок сопровождал грохот, достойный железнодорожной катастрофы. Бронированный воин и его конь проскользили по снегу несколько метров и буквально воткнулись в скалу. Подброшенный в воздух человек полетел в сторону Драккайнена, кувыркаясь, как лыжник на склоне, и замер в неестественной позе тряпичной куклы, что характерна для упавших с большой высоты или жертв мощного взрыва: она означает, что в теле не осталось ни одной целой кости. А где-то в эпицентре этого безумия оставался Филар.

Вот только его не было видно. Слишком много там всего происходило, да и было слишком далеко. Слишком много раздавленных тел, метущихся в панике силуэтов среди клубов снега, слишком много крови.

И слишком много змея.

Туша, диаметром с цистерну и длиной с небольшой мост, судорожно свивалась, как выброшенный на берег угорь. Казалось, что он везде и что постоянно меняет положение тела. Хаотический, изогнутый, ощетинившийся стрелами и древками копий, будто обезумевший Моби Дик.

Араккайнен сделал еще пару шагов, пригибаясь, словно под обстрелом. Он придерживал стрелу на луке; с пальцами на тетиве он нерешительно остановился. Сперва намеревался прокрасться туда, прямо в центр бардака, убить всякого, кто попадется, найти Филара и выволочь его за анорак вверх, в сторону своих.

Теоретически, идея не самая худшая, раз уж не понять толком, что там происходит. Все равно что прыгать в торнадо, чтобы найти корову папочки.

А что делать с саркофагом Пассионарии? Отобрать у змея и унести под мышкой?

Он снял стрелу и сунул ее в колчан, одним движением пряча лук в сагайдак. А потом бегом кинулся в сторону леса.

По глубокому снегу бежать было ужасно. Ноги проваливались по колени, подошвы скользили, дыхание вырывалось клубами, словно из парохода, а тем временем жизнь Филара, сына Копейщика, вытекала, как вино из дырявого меха. Если еще не вытекла.

Несмотря на магию — истинную или мнимую, — несмотря на месяцы тренировок, бионическую поддерж-

ку, пусть нынче и в образе крылатой феечки, некоторые вещи сделать невозможно.

Например, невозможно бежать по снегу в гору и одновременно орать во все горло.

Грюнальди и Спалле ждали на краю леса, нервничая, не в силах решить, что делать. Рядом на корточках сидели двое ассасинов — Боярышник и Вьюн — со взвешенными арбалетами, глядя на пандемониум внизу и, похоже, прикрывая спину Вуко.

— Это даже не было настолько глупым, как могло показаться сначала, — обратился Грюнальди к Вуко. — Действующая притянула за собой змея прямо к этим. Смотреть приятно. Но что теперь? Если они ее заберут, можно начать рубить себе во льду могилки.

Запыхавшийся Драккайнен просопел не пойми что, жестами показывая, чтобы отступили под деревья. Скользнул под украшенную шапками снега ветку и, конечно же, сбил одну такую себе в капюшон и за воротник.

На утоптанной полянке стояли сани и привязанные кони. Анемон, Кизил и Явор лежали без сознания, не подвижно, на раскинутых на снегу плащах. Лавр сидел над ними с какими-то шкатулочками в окровавленных ладонях, и не понятно было — пытался лечить или проводил последние обряды. Выглядело все скверно.

Яйцевидные емкости с магией стояли в безопасности на одних санях, хорошенъко притороченные ремнями к бортам.

— Анемон уже в Саду, — заявил Лавр. — Кизил получил два удара в бок и стрелу в грудь, но неглубоко. Явор — клинком в голову. Шлем помог, но он потерял изрядно крови. Я наложил пряжу насекомых, как приказывал